

Религіозный элементъ въ французской лирической поэзіи первой половины XIX вѣка.

Современная Франція представляетъ разительный примѣръ того, какъ въ дѣйствительной жизни, въ противоположность теоріи, трудно въ дѣлѣ религіи удержаться на точкѣ полпаго безразличія. Религія, проникая все существо своихъ искреннихъ исповѣдниковъ и воодушевляя ихъ даже до подвижничества, является такою силой, что считается съ нею приходится даже людямъ отрицающимъ ее. И мы видимъ, что французское правительство, прикрываясь принципомъ вѣротерпимости, на самомъ дѣлѣ не остается совершенно безучастнымъ въ борьбѣ вѣры съ невѣріемъ, но явно становится на сторону послѣдняго. Это вполне понятно: будучи само невѣрующимъ и признавая религію явленіемъ вреднымъ, задерживающимъ прогрессъ человѣчества, правительство французское не можетъ не воспользоваться тѣми средствами для скорѣйшаго уничтоженія этого вреднаго явленія, которыя оказались у него въ рукахъ. Въ виду такого положенія дѣла, далеко не безынтересно воспроизвести воззрѣнія на религію тѣхъ французовъ, которые далеко выдвигались изъ толпы глупиною и разносторонностью чувства, богатствомъ вдохновенной фантазіи, чуткой отзывчивостью, способностью проникать въ самыя глубины сердца человѣческаго съ его сокровеннѣйшими изгибами, которые привлекали къ своимъ произведеніямъ вниманіе и сочувствіе цѣлыхъ поколѣній и

потому скорѣе, чѣмъ кто-либо другой, могутъ считаться выразителями сознанія народнаго, т. е. великихъ поэтовъ. Въ данномъ случаѣ, намъ особенно важны взгляды поэтовъ лирическихъ, такъ какъ дѣло идетъ о религіи, которая прежде всего сосредоточивается во внутреннемъ мірѣ человека.

Наиболѣе пышный разцвѣтъ французской поэзіи относится къ первой половинѣ XIX вѣка, т. е. совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, которое во Франціи было очень неблагоприятно для религіи, не смотря на старанія Наполеона I и Бурбоновъ какъ нибудь поддерживать ее. Это было то время, когда Франція, послѣ революціоннаго потрясенія, сокрушившаго прежній абсолютическій строй, перешла къ созидательной работѣ—къ организаціи общества на новыхъ началахъ. Но это обновленіе, какъ и всякое историческое развитіе, имѣло свои корни въ идеяхъ, которыя возникли и распространились въ общественномъ сознаніи еще въ предшествующее время. По отношенію къ религіозному сознанію общества такимъ историческимъ послѣдствомъ была рационалистическая, высмѣивающая все святое, философія XVIII вѣка, завершившаяся во время революціи попыткой, правда неудачной, замѣнить христіанство культомъ разума человеческого. Поэтому неудивительно, что невѣріе въ XIX в. широко распространилось въ французскомъ обществѣ; скорѣе удивительно то, что вѣра все таки сохранилась, о чемъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, и французская поэзія. Уже въ 1802 году Шатобріанъ выступилъ на защиту религіи въ своемъ знаменитомъ произведеніи „Духъ христіанства“. Но намъ представляются еще болѣе важными свидѣтельства тѣхъ поэтовъ, которые не задавались подобной цѣлью: религіозный элементъ въ ихъ творчествѣ является, очевидно, непосредственнымъ, лишеннымъ всякой преднамѣренности, выраженіемъ тѣхъ чувствъ, которыя они пе-

Изъ такихъ поэтовъ первое мѣсто по времени занимаетъ Ламартинъ. Необычайно впечатлительный, черпающій вдохновеніе, главнымъ образомъ, изъ своей чувствительности, доходящей до сентиментальничанья, съ преобладающимъ грустнымъ, меланхолическимъ настроеніемъ, говорящій болѣе всего, даже при изображеніи явленій и событій внѣшняго міра, о вызываемыхъ ими внутреннихъ переживаніяхъ, — онъ въ своей поэзіи очень часто обращается къ религіознымъ сюжетамъ. Онъ даже считаетъ своимъ призваніемъ посвящать свой поэтический даръ прославленію Бога.

„Священный даръ Творца, меня воспламенившій,
Ты, арфа чудная, въ которой слышенъ рай,
Ты, плачь моей души, меня одушевившій,
Вѣкъ Богу одному мой голосъ посвящай.
Я отъ любви святой и страха содрагаюсь,
Коль, разбудивъ порывъ возвышенной мечты,
Къ таинственнымъ струнамъ въ восторгѣ прикасаюсь
И вспомню, что меня поэтомъ избралъ Ты!..
Жизнь моя и мой Богъ! будетъ вѣчный восторгъ,
Въ пѣснь душа разольется чудесно,
Сердце будетъ какъ лира святая дрожать,
Каждый вздохъ мой Тебѣ буду я посвящать —
Жертвой славной и пѣснью небесной“ ¹⁾. („Мое призваніе“).

Какъ поэтъ по преимуществу настроенія, Ламартинъ не столько выясняетъ свои религіозныя воззрѣнія, сколько изображаетъ чувства, возбуждаемые въ немъ религіозными предметами. Относительно религіознаго сознанія поэта, судя

¹⁾ Стихотворные переводы взяты изъ „Исторіи всемірной литературы“ В. Зотова, т. III, СПб., 1881 г., а прозаическіе частью взяты изъ „Иллюстр. исторіи новѣйшей француз. литературы“ подъ редакціей проф. Л. Пти-де-Жюльвиля, т. I. Москва, 1904 г., и изъ статьи П. Вейнберга „Викторъ Гюго“, „Сѣвер.“

по его произведніямъ, нужно сказать, что оно не было вполне отчетливымъ и устойчивымъ. Однажды, подъ вліяніемъ сильнаго горя (смерти возлюбленной), у Ламартина вылилось даже стихотвореніе, гдѣ онъ отрицаетъ присутствіе на землѣ и во всей вселенной Божественнаго міроуправленія. Стихотвореніе озаглавляется „Отчаяніе“.

„Когда въ часъ роковой, въ часъ грозный мірозданья,
Изъ бездны хаоса для вѣчнаго страданья
Возникнулъ паръ земной,
Онъ отвратилъ Свой взоръ, и отоиди къ покою,
Въ бездонное толкнулъ презрительно ногою
Трудъ бесполезный свой.
„Тебя своей судьбѣ я жалкой оставляю!
Не стойшь ты любви. Тебя Я презираю,
Ничто ты предо Мною!
По волѣ случая носися во вселенной,
Судьба твой будетъ вождь ничтожный, ослѣпленный,
А бѣдствіе—царь твой!“

Далѣе поэтъ изображаетъ бѣдствія и несправедливости, которыя существуютъ въ мірѣ и къ которымъ Богъ относится, повидимому, равнодушно.

Но такое настроеніе было у Ламартина лишь мимолетнымъ. Въ большинствѣ своихъ религіозныхъ стихотвореній онъ выражаетъ глубокое благоговѣніе передъ Творцомъ міра. Это благоговѣніе очень часто вызывается у поэта созерцаніемъ красотъ и величія природы.

„Когда свѣтилъ всѣхъ царь, свершивъ свой путь блестящій,

Нисходитъ медленно на горизонтъ земной,
И въ яркихъ облакахъ скрывая ликъ горящій,
Браздой багровою уноситъ свѣтъ съ собой,
А блѣдная луна, всплывая въ отдаленіи,
Лампадой ясною является въ выси
И льетъ свой тихій свѣтъ на доли и селенья,
И мириады звѣздъ зажгутся въ небесахъ,
Тогда, въ тотъ самый часъ боренья свѣта съ тьмою,

Природа шлетъ свой гимнъ къ Создателю всего,
Гимнъ чудный и святой, исполненный хвалою
Къ премудрости Творца и къ славѣ дѣлъ Его“ („Вечерній гимнъ“).

Границы между благоговѣніемъ предъ Богомъ и преклоненіемъ предъ природой незамѣтно стираются, и религиозное мировоззрѣніе поэта получаетъ до нѣкоторой степени пантеистическій оттѣнокъ. Такъ въ стихотвореніи „Вѣчность природы и краткость жизни человѣка“ Ламартина говоритъ: „торжествуй, безсмертная природа, которую рука, заключающая въ себѣ многочисленные дни, надѣляетъ неограниченными силами... насѣкомое, созданное твоею улыбкой, я рождаюсь, созерцаю міръ, испускаю духъ... шествуй своимъ путемъ и не думай болѣе обо мнѣ“. Впрочемъ, далѣе поэтъ продолжаетъ: „вѣдь ты не можешь, природа, безслѣдно стереть съ лица земли ни одного существа. Я умираю. Что же изъ этого? Вѣдь я жилъ! Богъ видѣлъ меня... Блескъ всемірнаго единственнаго Существа озарилъ мою тѣнь; я прошепталъ свой гимнъ радости и любви... Я возвысился предъ лицомъ Его,... и природа сказала мнѣ: проходи, твоя судьба возвышенна,—Онъ тебя видѣлъ!“ Не вполне лишено пантеистическаго отпечатка и наиболѣе глубокомысленное изъ религиозныхъ стихотвореній Ламартина „Богъ“. Это стихотвореніе начинается слѣдующими величественными строфами: „какъ каплю воды, проплывую въ океанѣ, безконечное поглощаетъ въ своемъ лонѣ мою мысль; здѣсь она, царица пространства и вѣчности, осмѣливается измѣрять время, необъятность, примкнуть къ ничтожеству, переступить границы существованія и постигнуть непостижимое существо Бога. Но какъ скоро я хочу изобразить то, что чувствую, всякое слово умираетъ въ безплодныхъ усиліяхъ: моя душа усиливается говорить; мой смущенный языкъ бьетъ воздухъ пустыми звуками, тѣнью моей мысли“. Такимъ образомъ, въ сферѣ

безконечнаго разумъ оказывается безсильнымъ: на помощь ему приходитъ, по выраженію поэта, энтузіазмъ: „въ чистыхъ областяхъ, куда я любилъ улетать,... одинъ энтузіазмъ—мой факель въ этой глубокой ночи и лучше, чѣмъ разумъ, онъ объясняетъ мнѣ міръ.. Мы переходимъ предѣлы времени и пространства и, въ вѣчной гармоніи реальности, мы—лицомъ къ лицу съ истиной! Это всемірное свѣтило безъ захода и зари—это Богъ, это—великое все... Все существуетъ въ Немъ: необъятность, вѣрега; изъ Его безконечнаго существа происходятъ чистые элементы: пространство—Его жилище, вѣчность—Его вѣкъ; день—Его взглядъ, міръ—Его образъ. Для Него хотѣтъ значить дѣлать, существовать значить производить. Его верховная воля есть Его верховный законъ. Но эта воля, безъ тѣни и безъ слабости, есть вмѣстѣ могущество, порядокъ, справедливость, мудрость“. Изъ этого понятія о Богѣ поэтъ дѣлаетъ выводъ о необходимости для человѣка познавать и почитать Бога: „счастливъ, кто Его позналъ! еще болѣе счастливъ, кто Его почитаетъ“. Дальнѣйшее, болѣе подробное развитіе этой мысли о необходимости религіозной вѣры будетъ представлено ниже.

Изъ приведенныхъ выдержекъ видно, что Ламартина далеко нельзя назвать пантеистомъ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Пантеизмъ относится не столько къ существу его религіознаго міровоззрѣнія, сколько къ внѣшней поэтической формѣ, въ которую, поэтъ облакалъ свои мысли. Въ другихъ стихотвореніяхъ Ламартина высказываетъ мысли, принадлежащія христіанству. Такъ, въ цитированномъ уже стихотвореніи „Мое призваніе“ есть слѣдующее мѣсто:

„Я клянусь разлюбить, я клянусь позабыть
Все величье, всю славу земную,
Я достойнымъ хочу Бога вѣчнаго быть,
Воспѣвая Чету Трисвятую.

Лиры пѣснь—никому! лишь Тебѣ одному,
Милосердному, вѣчно благому.
Вседержителю неба, Владыкѣ міровъ,
Океана, людей, государствъ, городовъ,
Богу вѣчно, достойно святому!

Особенно это нужно сказать о глубоко-трогательномъ стихотвореніи Ламартина „Распятіе“. Здѣсь поэтъ изображаетъ чувства и мысли, навѣянные на него обычаемъ возлагать распятіе на уста умирающаго. При мысли о смерти для поэта является источникомъ утѣшенія воспоминаніе о Спасителѣ, Который Самъ умеръ на крестѣ. Взволнованный мыслью о неизбежности смерти поэтъ обращается ко Христу: „Ты знаешь, что значить умирать!.. Со креста, когда Твой взоръ проникъ эту великую тайну, Ты видѣлъ Твою мать въ слезахъ и природу въ печали. Ты оставилъ, какъ мы, Твоихъ друзей на землѣ. Во имя этой смерти, моя слабость проситъ принять въ Твое лоно этотъ скорбный вздохъ: когда придетъ мой часъ, вспомни о Твоемъ, Ты, Который знаетъ, что значить умирать... О если бы тогда на моемъ погребальномъ ложѣ, вмѣстѣ печальномъ и холодномъ, печальная фигура, какъ заплаканный ангелъ, возложила на моя уста священное наслѣдство!“ (т. е. распятіе).

Хотя, такимъ образомъ, въ религіозномъ сознаніи Ламартина замѣтны колебанія, но мысль о необходимости и великой важности религіозной вѣры для человѣка была всегда ему присуща. „Мой сынъ“, говорила мать Ламартина, „очень нуждается въ религіозной вѣрѣ“. Тоже самое свидѣтельствуется и самъ поэтъ:

„Но между тѣмъ, какъ я, преслѣдуемъ сомнѣньемъ,
Произношу хулы съ преступнымъ дерзновеньемъ,
Вдругъ вѣра, пробудясь, какъ мысль протекшихъ лѣтъ,
На будущность мою бросаетъ чудный свѣтъ;
У гроба мнѣ она въ грудь проливаетъ сладость,
Преклоннымъ днямъ моимъ внушаетъ духа младость,

Въ божественныхъ лучахъ свѣтильника ея
 Съ заката моего иду къ восходу я;
 Объемлю въ мигъ одинъ племя людскихъ судьбину,
 Въ грядущемъ сущаго я нахожу причину,
 Воздѣ плѣняютъ взоръ союзъ и красота:
 Надежда, скрывъ за мной ничтожества врата
 И новый міръ явивъ душѣ воспламенной,
 Рѣшаетъ смертию загадку жизни тлѣнной („Вѣра“).

А въ стихотвореніи „Богъ“ Ламартинъ приходитъ даже къ мысли, что человѣчество, потерявъ вѣру, вмѣстѣ съ тѣмъ должно будетъ перестать существовать. Поэтъ высказываетъ негодованіе по поводу, того, что люди стали забывать Бога: „природа, небо, глазъ напрасно созерцаетъ васъ! увы! человѣкъ удивляется храму, не видя Бога“; поэтъ взываетъ къ Богу, чтобы Онъ Самъ снова возжегъ въ людяхъ вѣру: „разбуди насъ, великій Боже! говори и измѣни міръ; пусть прозвучитъ въ ничтожествѣ Твое плодоносное слово. Время настало! возстань! выведи другую вселенную изъ другого хаоса. Для нашихъ усыпленныхъ глазъ нужны другія зрѣлища! Для нашихъ разсѣянныхъ душъ нужны другія чудеса! Измѣни строй небесъ, который болѣе не говоритъ намъ... уничтожь этотъ старый дворецъ, недостойный Твоей славы; приди, покажи Себя Самого и заставь насъ вѣрить!“ Но далѣе поэтъ высказываетъ сомнѣніе, чтобы человѣкъ, утратившій вѣру, снова обратился къ ней; а при отсутствіи вѣры онъ признаетъ самое существованіе міра безцѣльнымъ: „но, быть можетъ, прежде часа, когда въ небесныхъ пустыняхъ солнце перестанетъ освѣщать вселенную, затемненный свѣтъ того моральнаго солнца постепенно перестанетъ освѣщать мысль, и день, который увидитъ этотъ великій свѣтильникъ разрушеннымъ, погрузитъ вселенную въ вѣчную ночь! Тогда Ты разобьешь Твое бесполезное твореніе. Его разрушенные громомъ обломки изъ вѣка въ вѣкъ будутъ провозглашать: Я—одинъ!

кромѣ Меня ничего не можетъ быть! Человѣкъ перестать вѣрить: онъ перестать существовать!¹“

Относительно Ламартина могутъ сказать, что его религіозность объясняется его воспитаніемъ, такъ какъ его мать, сама отличавшаяся благочестіемъ, постаралась передать это качество и сыну. Поэтому, не ограничиваясь Ламартиномъ, нужно перейти къ произведеніямъ другихъ поэтовъ, о воспитаніи которыхъ нельзя сказать, что оно было проникнуто религіознымъ характеромъ.

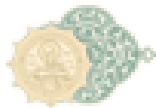
Величайшимъ изъ французскихъ поэтовъ первой половины XIX в. (если только возможно такого рода сравненіе между поэтами), по справедливости, считается Викторъ Гюго¹). Съ способностью глубоко чувствовать и сильно, рельефно выражать свои чувства и чувства дѣйствующихъ лицъ своихъ произведеній онъ соединялъ рѣдкій даръ пропикновенія въ прошлую и чуждую культуру (что особенно отразилось въ его романахъ „Соборъ Парижской Богоматери“ и въ „Восточныхъ мотивахъ“) и необыкновенное умѣнье увлекательнымъ и живымъ повѣствованіемъ, рѣзкими и неожиданными контрастами производить неотразимое, мѣстами даже потрясающее впечатлѣніе на читателей.

Воспоминая о своемъ дѣтствѣ, Викторъ Гюго изображаетъ раздумье своей матери о томъ, отдать ли сына въ школу или оставить его воспитываться на лонѣ природы. Это раздумье Гюго облачаетъ въ прелестные поэтическіе об-

¹) Въ указанной выше „Исторіи франц. литературы“ Пти-де-Жюльвиля Г. Дешанъ говоритъ о семействѣ матери поэта: „слѣдуетъ замѣтить, что въ этой семьѣ всѣ были очень набожны. Но Софія (мать поэта), повидимому, не раздѣляла этихъ чувствъ. Ея бракосочетаніе было только гражданскимъ“. Немного далѣе онъ говоритъ о монастырѣ фельянтинокъ, гдѣ нѣкоторое время воспитывался Гюго: „педагогика фельянтинокъ отличалась независимостью и поэтическимъ колоритомъ“ (276 стр.).

разы: онъ представляетъ мать гуляющей въ саду и бесѣдующей съ окружающею природою... Весь этотъ чудный садъ—лучезарный рай, всё эти старья, обрушившіяся стѣны, всё эти задумчивые предметы... сказали ей: оставь намъ этого ребенка... мы поселимъ въ немъ только благія мысли, мы превратимъ въ яркій свѣтъ зачавшіяся въ немъ мерцанія; очарованные глаза его ясно и отчетливо увидятъ предъ собою Бога... мы создадимъ умъ, въ которомъ легко будутъ рождаться греза и химера, который изберетъ своею книгой Бога“. Такъ Гюго ставитъ свое поэтическое вдохновеніе въ связь съ мыслью о Богѣ. Дѣйствительно, хотя эта мысль и не является главнымъ содержаніемъ разносторонней и многообъемлющей поэзіи Виктора Гюго, но все же по мѣстамъ она выступаетъ довольно рельефно, особенно въ его лирикѣ.

Однимъ изъ раннѣйшихъ произведеній Гюго были его „Оды“. Въ предисловіи къ первому изданію „Оды“ поэтъ, между прочимъ, заявляетъ: „исторія людей заключаетъ въ себѣ поэтическіе элементы только тогда, когда на нее смотрятъ съ высоты монархическихъ идей и религіозныхъ вѣрованій“. Это—слова пылкаго юноши: „Оды“ были изданы въ 1822 году, когда поэту было около 20 лѣтъ. Относительно политическихъ воззрѣній Гюго здѣсь говорить нѣтъ надобности; что же касается его заявленія о значеніи религіи для поэзіи, то отъ этой мысли Гюго не отказался и въ своихъ дальнѣйшихъ, болѣе зрѣлыхъ произведеніяхъ. Въ предисловіи къ драмѣ „Лукреція Борджіа“ (въ 1833 г.) онъ говоритъ: „драма можетъ имѣть своимъ предметомъ что бы то ни было: ей нечего бояться, что она запачкается. Вдуньте, куда хотите, идею добродѣтели и милосердія,—и не будетъ болѣе ни безобразнаго, ни отталкивающаго. Свяжите религіозную мысль съ безобразнѣйшимъ предметомъ, и онъ сдѣлается святъ и чистъ. Распните Господа, вы получите крестъ. Когда поэтъ станетъ раскрывать чудеса и

бѣдствія челоуѣчества, онъ будетъ набрасывать на безобразную наготу покровъ утѣшительной и серьезной мысли". Религіозные мотивы очень замѣтны и въ лирическомъ сборникѣ Гюго, озаглавленномъ „Лучи и тѣни“ (1840 г.). Мысль о Богѣ вызывается у поэта созерцаніемъ прекрасной природы.

„Быль вечеръ. Зарево на западѣ пылало,
Тѣнь черной полосой ложилась вдоль долинъ,
И все здѣсь на землѣ Творца благословляло,
И всѣ здѣсь голоса сливались въ одинъ“.

Въ другомъ стихотвореніи поэтъ говоритъ:

„Не вѣрь надеждѣ, другъ! Надежда обольщаетъ,
Надежда на землѣ—надломанный тростникъ!
Богъ жизнь даетъ, Богъ жизнь и отнимаетъ.
Здѣсь все непрочно—Онъ одинъ великъ!
Онъ насъ ведетъ къ своей высокой цѣли;
Другъ! вѣрь Ему! Ему отдайся весь“...

Въ послѣднемъ отрывкѣ выступаетъ мысль о значеніи религіозной вѣры для жизни. Это показываетъ, что Гюго цѣнилъ религію не только, какъ источникъ поэтического вдохновенія. Поэту—проповѣстнику любви и милосердія ко всѣмъ падшимъ, униженнымъ и оскорбленнымъ (см. особенно его романъ „Несчастные“) религія и въ частности христіанство было особенно дорого, какъ проповѣдь всеобъемлющей любви: „если бы даже міръ влачилъ во прахѣ этого Бога, умершаго и израненнаго, то изъ этихъ ранъ все таки ничего не истекало бы, кромѣ неисчерпаемаго милосердія“, говоритъ поэтъ во „Внутреннихъ голосахъ“.

Признавая величіе и значеніе религіи, Гюго вмѣстѣ съ тѣмъ сознаетъ, что самъ онъ часто стоитъ далеко не на высотѣ предъявляемыхъ ею требованій. Но и въ этомъ случаѣ источникомъ надежды на нравственное обновленіе является для него воспоминаніе о Богѣ. Эти мысли Викторъ Гюго съ удивительной художественностью выразилъ въ

стихотвореніи „Колоколъ“. Онъ сравниваетъ себя съ колоколомъ, на которомъ прохожіе вырѣзали свои ничтожныя имена, нечистыя желанья, насмѣшки, такъ что обезобразили металлъ, на которомъ раньше написано было только имя Бога.

„И на душѣ моей, какъ на краяхъ металла,
 Всевышняго рука глубоко начертала
 Высокія слова въ рожденья грустный часъ.
 И ярко надпись та въ душѣ моей сіяла,
 Но въ буйной юности тотъ яркій блескъ погасъ.
 Явилася въ душѣ прохожихъ гнусныхъ стая—
 Разгульный, шумный рой, страстей толпа пустая—
 И въ душу ворвались ко мнѣ со всѣхъ сторонъ,
 Съ развратной мыслию и съ думою разгульной
 Обезобразили они Творца святой законъ.
 На память всѣ они въ душѣ моей вписали
 Свои безумныя, нечистыя мечты
 И слово Вѣчнаго истерли, замарали
 И, душу запятнавъ, лишили чистоты“.

Но колоколъ, обезображенный грубыми надписями, не потерялъ способности своимъ благовѣстомъ отвлекать мысли людей отъ земной суеты и возвышать ихъ къ небу; такъ и поэтъ надѣется, что онъ, очищенный молитвой къ Творцу, снова станетъ провозвѣстникомъ любви и міра.

„Но мигъ придетъ—и колоколъ печальный
 Пробудитъ Богъ могучимъ словомъ: „пой!“
 И грянетъ онъ—и гулъ разбудитъ дальній,
 И въ прахъ падетъ міръ грязною главой,
 Забудетъ жизни горести, волненья
 И будетъ слушать долго въ умиленьи
 И стройный гулъ, и благовѣсть святой.
 И звучамя, торжественныя ноты
 Принудятъ ихъ забыть свои заботы,
 Наставятъ умъ, смягчатъ людей сердца!—
 Такъ и поэтъ—съ страстями въ грозной битвѣ
 Забудетъ все въ торжественной молитвѣ

И будетъ пѣть благой законъ Творца!
И все тогда съ душой его сроднится—
И звучнымъ гимномъ міръ широкій огласится,
И будетъ онъ гремѣть и днемъ и въ грозной мглѣ
О мирѣ, о любви,—хоть глубоко хранится
Слѣдъ гибельныхъ страстей на пасмурномъ челѣ”.

Необходимо упомянуть еще объ одномъ поэтѣ, котораго современники ставили на ряду съ двумя рассмотрѣнными, что и выразилъ Теофиль Готье, поставивши въ заключеніи своего доклада „объ успѣхахъ поэзій“ слѣдующій вопросъ: „какой изъ всѣхъ этихъ поэтовъ, произведенія которыхъ мы только что разсматривали, прибавить свое имя къ славному и священному для насъ списку: Ламартинъ, Викторъ Гюго, Альфредъ де Мюссе?“—Альфредъ де Мюссе обладалъ привычнымъ, блестящимъ остроуміемъ, богатой фантазіей и тонкимъ умомъ, способнымъ легко и быстро схватывать самыя существенныя черты каждаго предмета или явленія. Но преобладающимъ элементомъ его натуры была неудержимая страстность; въ противоположность другимъ великимъ лирическимъ поэтамъ, какъ Гюго или Гете, которые, анализируя свои душевныя переживанія, стояли выше ихъ. Мюссе былъ всецѣло во власти своихъ страстей. Влѣдствіе этого, его поэзія отличалась глубокой искренностью, но зато жизнь его сложилась крайне неудачно. Непреодолимыя страсти увлекали поэта къ нравственнымъ паденіямъ, и это наложило на его позднѣйшія произведенія отпечатокъ грусти, граничащей съ отчаяніемъ. Страстная любовь, поглощавшая всѣ силы Мюссе, была для него источникомъ мимолетныхъ наслажденій и глубокихъ продолжительныхъ страданій; она же была и главной темой его произведеній. Трудно ожидать отъ такого поэта религіозности; однако, какъ будто для того, чтобы подтвердить положеніе, что глубокая натура, непосредственно сознавая необходимость религіозной вѣры для человѣка, не можетъ

обойтись безъ религіозныхъ порывовъ, Мюссе въ я́кото-рыхъ своихъ произведеніяхъ обнаруживаетъ стремленіе къ небесному, божественному. Это стремленіе было протестомъ (къ сожалѣнію, большей частью безсильнымъ) лучшей стороны поэта противъ погруженія въ чувственное, земное, къ которому влекли его страсти. Въ одномъ изъ своихъ юношескихъ произведеній—въ лирической поэмѣ „Ролла“, гдѣ герой, какъ въ большинствѣ лиро-эпическихъ произведеній, является въ значительной мѣрѣ образомъ самого поэта, Мюссе отъ лица героя говоритъ:

„Христось, Христось! я не изъ тѣхъ,
Кто входитъ робкими стопами
Въ Твой храмъ безмолвный и утѣхъ
Для скорби сердца ищетъ въ храмѣ.
Я не изъ тѣхъ, кого Твоя
Влечетъ Голгова, кто, лобзалъ
Твой крестъ и въ грудь себя бѣя,
Къ Тебѣ приходитъ... Нѣтъ, когда я
Стою предъ портикомъ святымъ,
Гдѣ сонмъ молящихся колѣни
Склонить предъ лицомъ Твоимъ
Подъ звуки тихіе моленій...
Христось! мнѣ чуждо въ этотъ мигъ
Твоихъ молитвъ святое слово!“

Но герой все-таки, стоя предъ алтаремъ, чувствуетъ потребность молиться, если не за себя, то, по крайней мѣрѣ, за все человѣчество, которое переживаетъ „весь сонмъ скорбей вѣковъ былыхъ“.

„Да! по пускай мои уста
Прильнуть къ подножію креста,
И пусть моя слеза прольется
На этотъ прахъ! Христось, внимли!
Я, рабъ безвѣрья и сомнѣнья,
Я возношу къ тебѣ моленья
О возрожденіи земли!“

Своею смертію когда то
Ты далъ ей жизнь; теперь она
Вновь тлѣнію обречена“.

Здѣсь слабая вѣра борется съ сильнымъ сомнѣніемъ. Въ послѣдующее время поэтъ, надломленный непосильной борьбой съ своими страстями, все болѣе сознаетъ потребность вѣры, хотя ему не удалось окончательно освободиться отъ своего сомнѣнія. Черезъ три года послѣ „Роллы“ Мюссе въ „Посланіи къ Тамартину“ говоритъ, что признаетъ Бога, въ Котораго вѣруетъ Тамартина: „кто-бы Онъ ни былъ, Онъ мой Богъ; нѣтъ двухъ вѣръ. Я не знаю Его имени, но я вижу небеса; я знаю, что они принадлежать Ему, я знаю, что они необъятны, и что необъятность не можетъ принадлежать двоимъ“. Но у поэта все же остается горькое сознаніе, что религіозная вѣра была гораздо болѣе предметомъ его желаній, чѣмъ дѣйствительнымъ достояніемъ его души. Поэтому единственное произведеніе Мюссе, написанное прямо на религіозную тему (черезъ два года послѣ „Посланія“), — „Надежда на Бога“ — проникнуто тяжелымъ сознаніемъ, близкимъ къ отчаянію, что даже вѣра, къ которой онъ стремится, не даетъ ему искомага умиротворенія. Однако Мюссе сознавалъ, что причина этого находится не въ вѣрѣ самой по себѣ, а въ немъ самомъ, что видно изъ его собственнаго горькаго признанія, высказаннаго по поводу „Надежды на Бога“: „я пилъ изъ этого источника поэзіи, но пилъ слишкомъ мало“¹⁾. И все же поэтъ не перестаетъ признавать, что мысль о Богѣ является для него послѣднимъ источникомъ надежды. Въ „Воспоминаніи“, которымъ завершается наиболѣе плодотворный и блестящій пе-

¹⁾ „Альфредъ де-Мюссе“ И. К—ной, „Русская Мысль“, 1893 г., 201 стр.

ріодъ его поэтическаго творчества, Мюссе говоритъ: „я не желаю знать, будутъ ли цвѣсти поля,... будутъ ли завтра сіять эти неизмѣримыя небеса надъ тѣмъ, что они покрываютъ; я говорю только себѣ: на этомъ мѣстѣ, въ этотъ часъ я былъ нѣкогда любимъ, я любилъ, она была прекрасна; я сохраняю это сокровище въ моей безсмертной душѣ и уношу его къ Богу“. Такъ Мюссе старается соединить съ мыслью о Богѣ самое дорогое, что онъ переживалъ на землѣ—любовь, какъ раньше утѣшалъ себя въ печали о смерти своей возлюбленной мыслью о томъ, что она отошла къ Богу:

„Ты къ Богу отошла, минуя жизни зло,
И улыбнулась смерти тебѣ, какъ жизнь, свѣтло“
(„Ива“).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что три величайшихъ лирическихъ поэта Франціи согласно подтверждаютъ мысль, что потребность религіозной вѣры заложена въ самую природу души человѣческой, и что эта вѣра оказываетъ весьма благотворное вліяніе на правильное развитіе душевной жизни, хотя сами они обладали этой вѣрой далеко не въ одинаковой степени. Особенно важно то, что исканіе божественнаго, стремленіе къ нему является для нихъ общимъ при значительномъ различіи ихъ характеровъ, темпераментовъ и взглядовъ. Произведеніями этихъ поэтовъ зачитывались цѣлыя поколѣнія; въ частности, съ большимъ сочувствіемъ были встрѣчаемы и ихъ стихотворенія на религіозныя темы, при чемъ это сочувствіе, очевидно, относилось не только къ ихъ прекрасной художественной формѣ, но и къ содержанію. Все это показываетъ, что еще въ половинѣ XIX вѣка, при значительномъ распространеніи во Франціи невѣрія, сознаніе необходимости и важности религіозной вѣры было достаточно сильно въ французскомъ обществѣ, и

РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭЛЕМЕНТЪ ВЪ ФРАНЦ. ЛИРИЧ. ПОЭЗИИ. 617

что поэтому предпочтеніе, оказываемое невѣрію предъ вѣрой, едва ли опирается на сознаніе значительнаго большинства французскаго народа.

Н. Гумилевскій.